

ВОЙНА В СФЕРЕ СМЫСЛОВ

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Владимир МАКАРОВ,
первый заместитель началь-
ника главного управления –
начальник управления
информации главного
управления идеологической
работы
Министерства обороны
Республики Беларусь,
кандидат педагогических
наук

В конце прошлого века радикально трансформировались сущность войны и содержание вооруженной борьбы. Все большее значение приобретает противоборство в сфере идеологии – в сфере смыслов, информационных и информационно-психологических войн. Кое-кто заявляет: зачем, дескать, нужна ваша идеология, и вообще, одного патриотизма явно недостаточно для надежного обеспечения безопасности государства... Конечно, одного патриотизма мало. Но без него, без высокого морального духа всего населения любые меры по упрочению военной безопасности государства бессмысленны. Можно иметь горы оружия, в том числе ядерного, и потерять государство. Нелишне напомнить классическое изречение, что армия выигрывает или проигрывает сражения, а войны выигрываются или проигрываются народами.

Нам следует помнить, что Советский Союз несколько десятилетий готовился к войне классического типа, и его во многом погубили инерционность и невосприимчивость к изменяющемуся миру. Ибо не завоевание страны противником становится концом ее истории, так как после этого возможно и возрождение. Настоящая катастрофа – поражение в сфере смыслов.

Что меня поражает в этом мире – это бессилие силы. Из двух могучих факторов – силы и ума – сила в конце концов всегда оказывается побежденной.

Наполеон I

НА ИНФОРМАЦИОННЫХ ФРОНТАХ

Невещественное правит миром. Этот тезис часто подвергается сомнению. Разве не деньги, газ или нефть властелины мира? Но если сказать, что информация правит миром, то многие согласятся. Раньше с понятиями «невещественное» и «идеология» связывалась, как правило, политическая практика, в том числе деструктивная (чего стоила одна только «идеология перестройки»?). Поэтому можно понять безразличие отдельных людей к рассматриваемым вопросам, нередко перерастающее в идейную беспринципность. Однако разделить их позицию никак нельзя. Смена типа идейного оружия не обесценивает идейное оружие как таковое, подобно тому как смена арифмометра на ЭВМ не снимает феномен вычислительной техники.

Современная идеология беспощадна. Она требует действия в сфере идей столь же рационального и жесткого, сколь рационально и жестко действует конструктор сложной технической системы или специалист-системщик, создающий математическую конструкцию.

Информационные технологии уже способны перестраивать сознание людей. Это значит, что войны теперь и впредь будут проходить не только в пространстве, но и в ином измерении – в сознании людей и за их души.

С легкой руки американской корпорации «Рэнд» с конца 1990-х годов в ряде государств используется понятие «стратегическое информационное противоборство второго поколения». Помимо получения главным образом разведывательной информации, оно предусматривает уже иной подход: создание атмосферы бездуховности и безнравственности, негативного отношения к культурному наследию противника; манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией социальных групп населения страны; дезинформация населения о работе государственных органов, подрыв их авторитета, дискредитация органов власти и т. д. (Как здесь не вспомнить полностью провалившиеся попытки

дестабилизации обстановки в Республике Беларусь с помощью технологий «бархатных революций», по существу, технологий информационного противоборства второго поколения?) Иными словами, информационное противоборство второго поколения – это прежде всего противоборство в сфере смыслов.

Соответственно, и идеология сегодня – это не идеология прошлого века. Речь идет о технологиях идеологического влияния, основанных на самых современных достижениях наук коммуникативного цикла, которые находятся в тесном взаимодействии с политическими технологиями, применяемыми для дестабилизации социума.

Не случайно в оборот прочно вошел термин «медиатерроризм», ибо цель любой подобной акции не убийство само по себе, а вызываемый им страх. Поэтому терроризм как политическая технология нуждается не просто в очевидцах, а в запуганных свидетелях. И чем больше таких свидетелей, тем больше становится критическая масса страха, превращаемого не просто в коллективную эмоцию, а в инструмент мощного воздействия.

Сегодня наблюдается рост «качества» терактов именно как информационных продуктов, благодаря чему они утрачивают свою изначальную роль инструмента локального действия и переходят в разряд инструментов глобального управления.

События 11 сентября 2001 года в США, марта 2004 года в Испании, трагедия Беслана и десятки иных зловещих акций показали, что в любых странах могут быть успешно осуществлены практически любые сценарии внешнего управления их социальным и экономическим состоянием. Расходы на подготовку и проведение терактов несопоставимы с нанесенным уроном.

Сегодня, и это очевидно для сведущих людей, информационное противоборство трансформировалось из обеспечивающей подсистемы в самостоятельный вид войн и способно решать стратегические задачи геополитического уровня.

СОЗНАНИЕ ПОД ПРИЦЕЛОМ

Сам термин «информационно-психологическая война» заимствован из словаря военных кругов США. Вводя его в употребление, американские ученые, как гражданские, так и военные, придерживаются прагматичной идеологии, ориентированной не столько на конкретные сиюминутные нужды, сколько на ближайшую перспективу. Используя этот термин, они формируют в сознании властных кругов и общественности целевую установку на то, что в будущем данная форма отношений станет настолько развитой и эффективной, что полностью вытеснит традиционное вооруженное противостояние. Да, говорят американцы, мы уже настолько хорошо изучили психологию человека и научились ею управлять, что для обеспечения его безусловной подчиняемости нам уже не нужно применять грубую силу – армию и полицию. Если же социальная система не желает добровольно подчиняться, мы заставим ее это сделать с помощью современных комплексных технологий тайного информационно-психологического воздействия, причем для непокорных результат такого противостояния будет равносителен поражению в войне.

Но каково основное, сущностное содержание подобных игр? Каковы главные объекты и предметы поражения и уничтожения в войнах нового поколения, войнах будущего?

С середины 1990-х годов в научных публикациях часто используется термин «консциентальная война» (от латинского *conscientia* – «сознание») [1; 2; 3; 8]. Он предполагает, что определенные типы сознаний должны быть вытеснены за рамки цивилизованно допустимых и приемлемых форм [2].

Подобное происходило и раньше, когда один тип организации сознания вытеснял другой, как, например, христианство сменяло язычество. Но в настоящий момент эта конкуренция и борьба принимают тотальный характер, становятся чуть ли не единственными и ведущими.

Исследователь Ю. Громыко пошел дальше и выдвинул гипотезу, согласно которой предметом поражения в такой войне может быть и субъектность этноса, народа или государства [1]. Автор считает, что основанием для подобного утверждения служит то, что реальность сознания не является индивидуальной: она принадлежит более крупным общностям, в том числе этносам. Причем механизм разрушения сознания в данном случае заключается в создании спе-

Для характеристики принципиально нового типа войны вполне приемлем и термин, предложенный С.Е. Кургияном, – «война – игра»: «Мера неклассичности войны, ведомой в 1970-е, 1980–1990-е годы, настолько велика, что было бы неверным считать, что это была «просто» информационная война или «просто» война... Это была игра. Игра, которую вел субъект особого игрового типа, вооруженный совершенно новыми методами и способами воздействия на своих геополитических конкурентов. Игра стала доминировать в стратегии борьбы с конкурентами с начала 1960-х годов. Мы этого не поняли и не смогли отреагировать по-настоящему. В результате нас даже не победили. Нас обыграли. Разница между поражением и проигрышем существенна, хотя результаты проигрыша сходны с результатами поражения в самой сокрушительной войне. Мы лишились значительных территорий, военного и экономического потенциала, понесли чудовищные демографические потери» [7].

циальных «симуляционных машин», воссоздающих ложную среду его существования, в которых снижается уровень энергийного существования личности. И обосновывает пять основных способов размывания сознания [2]:

- 1) поражение нейромозгового субстрата, снижающего его функционирование на основе действия химических веществ, отравления воздуха, радиационных воздействий;
- 2) понижение организации информационно-коммуникативной среды, в которой функционирует сознание, путем ее дезинтеграции и примитивизации;
- 3) оккультное воздействие на него направленной передачей мыслеформ объекту поражения;
- 4) специальное распространение по каналам коммуникации образов и текстов, атакующих сознание;
- 5) разрушение форм идентификации личности по отношению к фиксированным общностям, приводящее к смене форм самоопределения и деперсонализации.

Из этих пяти направлений весьма экзотически выглядит третье – оккультная передача мыслеформ объекту поражения. Хотя человечество это уже проходило – оккультно-мистическое содержание доктрины гитлеровской Германии и соответствующая оккультная практика достаточно хорошо известны. Но и сегодня в мире имеются примеры ее применения на людях (причем достаточно эффективного). Система разрушения сознания деструктивными религиозными организациями, действующими на территории Беларуси, подробно изложена в недавно изданной монографии «Неокультурные объединения в Беларуси», подготовленной в Институте философии Национальной академии наук [11].

Во второй половине 1990-х годов наша страна столкнулась с мощнейшей экспансией некультуров, выступавших под различными вывесками благотворительных, оздоровительных и иных организаций. Проекты «Белая Русь – край мира любви и согласия», «Белая Русь – лаборатория безопасности жизни», «Белая Русь – лабо-

ратория образования будущего планеты», «Белая Русь – лаборатория глубинной экологии и глобального сотрудничества», «Белая Русь – колыбель звездных детей III тысячелетия» – вот далеко не полный перечень оккультных проектов.

В 2001 году в Минске прошел даже так называемый форум «Общество как образовательная система. Проекты действий». В числе его организаторов и активных участников наряду с некоторыми нашими учебными заведениями и общественными организациями оказался Институт планетарного синтеза (Женева), за respectable названием которого скрывается представитель американской оккультной секты «Саммит лайтхауз», своего рода европейская штаб-квартира и ее представительство при ООН. Но «Саммит лайтхауз» не просто секта, а центр распространившейся и захватившей весь мир так называемой «новой культуры» – нью-эйдж. Сам же институт – это источник откровенной оккультной вакханалии, смесь всевозможной оккультной эклектики, в том числе в самых экстремальных формах, все виды магии, телепатии, астрологии и т. д. Он также специализируется на подготовке социальных и политических реформаторов общества в мировом масштабе [9; 12].

ПОСТМОДЕРНИЗМ ВМЕСТО ПУШЕК

Безусловно, самым опасным направлением борьбы является способ поражения сознания с целью смены и преобразования типов имидж-идентификаций (отождествлением с той или иной позицией, представленной конкретным образом) и аутентизаций (чувством личной подлинности), осуществляемых прежде всего средствами массовой информации [2].

По итогам многих исследований феномена сознания советских людей в годы перестройки был введен в оборот термин «искусственная шизофренизация сознания». Шизофрения – это, по существу, утрата способности устанавливать связь между отдельными словами и понятиями, что влечет за собой нарушение логичности

мышления. В таком случае людям не остается ничего другого, как просто верить комментариям СМИ, выводам симпатичного диктора, заслуженного ученого, популярного артиста или назойливой рекламе. К примеру, у исследователей, изучавших структуру мышления вкладчиков МММ, не вызывал сомнения факт, что на некоторое время логика их рассуждений была расщеплена. При опросах вкладчиков им задали вопрос: «Понимаете ли вы, что такая прибыль, которую обещало МММ, не могла быть заработана?». 60% ответили утвердительно. Они отдавали отчет в том, что невозможно получить высокие прибыли, но добровольно шли и отдавали деньги. Причем среди вкладчиков соотношение работников умственного и физического труда составляло 12:1 в пользу первых. То есть мы должны признать, что в большей степени манипуляции подверглась советская интеллигенция [4].

Кроме того, важнейшая задача воздействия на сознание – перемена эмоционально-оценочных знаков в отношении фундаментальных понятий и традиционных представлений индивидуального и массового сознания. Добро и зло, позор и честь, красота и безобразие, польза и вред, высокое и низкое – смысл

этих представлений подвергается атаке со стороны как средств информации, так и массовой культуры и деформированной социальной практики.

Конец XX столетия ознаменовал собой перестройку базовых смысловых ориентиров и дегуманизацию общества вообще, особенно на Западе. Не случайно в середине 1990-х годов выдвинулась проблема «духовной экологии», «экологии культурной». Формированию повышенного уровня тревожности, страха, мнительности, с одной стороны, агрессивности, жестокости – с другой, способствует широкий наплыв худших западных образцов, пропагандирующих насилие, разврат, аморальные и антигуманные направления.

Но здесь особенно важно то, что наш социокультурный архетип сформирован более чем тысячелетней культурой, в которой активно подавлялись всяческие низменные чувства и которая исключительно сильно сопротивляется всяким изменениям.

Когда происходит сдвиг сознания, он касается абсолютных точек отсчета. Тогда культурные скрепы распадаются вообще, и изменения приобретают неконтролируемый, страшно разрушительный характер. Это положение всецело применимо как к белорусскому, так и к русскому национальным социокультурным архетипам. Поэтому не случайно в современных идеологических войнах главные удары наносятся по священным символам, сакральным точкам истории и культуры.

Нередко в качестве оружия для разрушения сознания используются самые неожиданные вещи, например философские учения. Одним из видов такого оружия стал постмодернизм.

Что для него характерно? Обращаясь к творчеству ведущих представителей этого течения во Франции, где, собственно, постмодернизм и возник, исследователи выделяют следующие черты: стилевой синкретизм, смешение жанров – высокого и низкого; интertextуальность и цитатность, языковую игру; неопределенность, культ неясностей, ошибок, пропусков; фрагментарность и принцип монтажа; иронизм, пародийность, аксиологический плюрализм и т. д.

...Но здесь особенно важно то, что наш социокультурный архетип сформирован более чем тысячелетней культурой, в которой активно подавлялись всяческие низменные чувства и которая исключительно сильно сопротивляется всяким изменениям. Когда происходит сдвиг сознания, он касается абсолютных точек отсчета.

Указанные признаки и черты заполняют собой сегодня общественное пространство, которое для большинства исчерпывается транспортом, магазином, голубым экраном и газетой.

Еще более мощную бомбардировку сознания устраивает телевизор. Чрезмерное увлечение им нередко превращает человека в законченного шизоида, живущего по законам «желающего производства». Согласно французским постмодернистам Ж. Делезу и Ф. Гаттари (у которых, собственно, и заимствуются данные термины), бесполезно подавлять желания – это приводит только к расщеплению «я». Нужно обнаружить для человека его собственное бессознательное, высвободить место для его спонтанных импульсов. Ведь именно бессознательное является творцом жизни, творцом культуры... [3].

Под видом борьбы с тоталитаризмом постмодернисты отвергают философские принципы, позволяющие описывать деятельность мышления. Классическим онтологиям они противопоставляют онтологию антимышления и все свое внимание уделяют работе с бес- и подсознательным как более первичным человеческим началом. Отсюда бесконечные варианты и модели хаотизации (синкретизм, эклектизм, шоко-терапия, поток случайностей), преследующие один результат: достижение невменяемости, а в итоге – полного немыслия.

В общество вбрасывается антропологический проект, примитивизирующий население и делающий его еще более безразличным и животнотобразным, чем оно было до сих пор. Проект имеет также то «достоинство», что понижение общего интеллектуального и нравственного уровня людей происходит как бы с их добровольного согласия. (Мыльные оперы, видеоклипы, СМИ и т. д., «работающие» в рамках проекта, формируют человека, который твердо убежден: человеческая природа – зла, так-това правда, и надо жить «по правде»...)

Разрушение базисных структур и норм мышления, а также механизмов целевого действия и ценностей, связанных с обоими процессами, – это удар, что называется, под корень. Мышление и действие суть те основы, на

которых коренится народное самосознание. Они суть того, из чего, собственно, народ и вырастает, на чем он собирается как народ и в чем черпает свою энергию и силу как субъект, творящий культуру, историю... [3].

КОНСЦИЕНТАЛЬНЫЙ СОЛДАТ

Таким образом, под консциентальной войной, или войной в сфере смыслов, следует понимать войну психологическую по форме, цивилизационную по содержанию и информационную по средствам, в которой объектом поражения является сознание людей с целью уничтожения или деформации интеллектуального ресурса нации и разрушения универсальных установок населения. Учитывая непосредственную связь ценностных установок человека с культурой его народа, можно сказать, что в консциентальной войне уничтожается именно культура.

Консциентальная война – это высший уровень противоборства. В данном случае информационная борьба рассматривается в широком смысле слова как непреходящее явление, присущее человеческому обществу с момента его возникновения.

Одновременно возникла необходимость введения нового термина – «информационно-психологическая война» и применительно к сфере военного противоборства. Причем, как пишет А.В. Манойло, данный термин, будучи по существу публицистическим, уже прочно вошел в научные труды и нормативные документы. Это обусловлено следующим:

во-первых, использование его указывает на возрастающую роль психологических операций в локальных вооруженных конфликтах и в современных войнах, которые все более напоминают масштабную пиар-кампанию;

во-вторых, этим самым подчеркивается, что нынешние ее технологии способны нанести противнику не меньший ущерб, чем средства вооруженного нападения, а информационное оружие, построенное на базе психологического воздействия, обладает значительно большей поражающей, проникающей и избирательной

ЛИТЕРАТУРА

1. Громько Ю. Консциентальное оружие – как оно действует // Российское аналитическое обозрение. 1998. № 7.

2. Громько Ю. Оружие, поражающее сознание, – что это такое? // Кому будет принадлежать консциентальное оружие в XXI веке? М.: Россия XXI, 1997.

3. Громько Н. Постмодернизм – оружие массового поражения? // Российское аналитическое обозрение. 1998. № 8–9.

4. Егоров А.М. Защита от манипуляции сегодня – условие существования завтра // Журнал прикладной психологии. 2000. № 3.

5. Костюхин А., Горбунов Г., Сажин А. Информационные операции в планах командования ВС США // Зарубежное военное обозрение. 2007. № 5.

6. Кургинян С.Э. Неизбежность // Россия XXI. 1993. № 2.

7. Кургинян С., Бялый Ю., Подкопаева М. Южная угроза и ее связь с обострением политического кризиса в России // Россия XXI. 1996. № 11–12.

способностью, чем системы высокоточного оружия;

в-третьих, неизмеримо возрастает роль, которую начинают играть информационно-психологические операции в международной политике, вытесняя или замещая в ней иные, более традиционные формы политического регулирования;

в-четвертых, налицо высокая социальная опасность некоторых организационных форм и информационно-психологических технологий, используемых для достижения добровольной подчиняемости личности [10].

На современной стадии развития политических технологий информационно-психологическая война не всегда может начинаться собственно с военных действий. Но они сами становятся необходимым фактором любой боевой психологической операции – в качестве средства инициирования цепных психологических реакций, предусмотренных заранее подготовленным сценарием.

Война психологическая порождает войну локальную: для перехода психологической операции из латентной стадии в активную необходим иницирующий повод, а стало быть, нужен локальный вооруженный конфликт. То, что в этих коварных планах традиционная война играет ограниченную, строго отведенную ей роль, не делает ее менее опасной, не сокращает ее масштабов и не вытесняет из сферы политических отношений – глобальные военные конфликты постепенно отходят на второй план, количество же локальных вооруженных конфликтов и частота их возникновения растут.

13 февраля 2006 года комитетом начальников штабов в вооруженных силах США утверждена новая редакция доктрины «Информационные операции». Согласно ей мероприятия по воздействию на людские и материальные ресурсы противника включают пять основных составляющих: радиоэлектронную борьбу, психологические и сетевые операции, мероприятия оперативной маскировки, а также обеспечение безопасности собственных сил и средств. При этом в новой доктрине больше не используется

понятие «информационная война», которое заменено более нейтральными терминами «информационные операции» и «информационная среда (сфера)».

Принципиально важно, что впервые официально вводится термин «сетевые операции», включающий в себя компьютерные атаки, сетевую защиту и использование компьютерных сетей противника в своих целях. При этом главный удар, по замыслу разработчиков, необходимо сосредоточивать на сознании лидеров, так как в эпоху эффективных технологий рядовые участники противоборства и все граждане способны оказать лишь незначительное влияние на принятие решений [5].

Вместе с тем широкое обсуждение, в том числе в открытых изданиях, проблем разработки информационного оружия в США может создать иллюзию якобы полного их доминирования в соответствующей сфере. Однако это совершенно не так. Например, в Японии к 2015 году планируется сформировать национальную информационную инфраструктуру более высокого, чем американская, технологического уровня, которая сможет составить технологическую базу применения Японией информационного оружия.

Об этом же свидетельствуют результаты ливано-израильского конфликта в 2006 году. Не сумев обеспечить собственное информационное превосходство техническими средствами, вооруженные силы Израиля в ходе операции нанесли удары по наземным спутниковым станциям телекомпании «Аль-Манар», ливанских телеканалов Эл-Би-Си и «Аль-Мустакабль», по объектам энергетики. Но и эти меры не принесли желаемого результата. После вывода из строя стационарных объектов телеканала «Аль-Манар» руководство «Хезболлах» задействовало подвижные теле- и радиоцентры, средства массовой информации ряда арабских стран. Рупором «побед шиитского движения» стали катарский спутниковый телеканал «Аль-Джазира» и египетское информационное агентство МЕНА. То есть особенностью современных конфликтов явилась ликвидация монополии тех же США и их союзников на информационное доминирование в мире.

Итак, вышесказанное позволяет сделать некоторые выводы, непосредственно касающиеся проблем обеспечения национальной безопасности.

Во-первых, в настоящее время национальную безопасность можно обеспечить только в совокупности всех ее составляющих: военной, политической, экономической, информационной, экологической, гуманитарной. Одновременно в современной войне на первый план выходит проблема защиты сознания людей, интеллектуального ресурса нации, то есть проблема формирования высокого морального духа народа. Во-вторых, необходимы усилия по реализации специальных проектов ликвидации последствий применения информационно-психологического, концентриального оружия. Причем речь идет прежде всего об образовательной безопасности и безопасности культурно-психологической. Последний термин не противоречит положениям Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. В данном случае речь идет лишь о направлениях обеспечения безопасности, содержащихся в концепции, применительно к сознанию людей (сфере смыслов), лежащих главным образом на стыке безопасности в гуманитарной и информационной сферах.

Основные пути решения соответствующих проблем в контексте задач военного ведомства:

- ★ дальнейшее развитие эффективной системы идеологической работы в вооруженных силах; такая система создана, причем ее объектами являются собственно военнослужащие и широкие слои обществественности;
- ★ активизация методологических основ обеспечения защиты населения и войск от концентриального оружия, совершенствование современной научно-теоретической базы военной психологии, военной социологии, военной педагогики, активизация фундаментальных и прикладных военно-психологических, социологических и педагогических исследований в интересах обеспечения как военной, так и информационной, гуманитарной (культурно-психологической) составляющей;

- ★ дальнейшее усиление взаимодействия органов военного управления с республиканскими центрами, занимающимися исследованиями в гуманитарной сфере, с региональными научными и научно-исследовательскими учреждениями, соответствующими кафедрами с целью использования опыта белорусской социологической, психологической и педагогической школ в интересах решения задач обеспечения национальной безопасности.

Принципиально важно, что изменения сущности войны и содержания вооруженной борьбы не говорят о том, что мы должны бросить все силы только на разработку и производство нового информационного или концентриального оружия (что вполне реально при нашем значительном интеллектуальном потенциале). Эти изменения, наглядно проявившиеся в войнах и военных конфликтах XXI века, лишь подтверждают правомерность и своевременность мер, осуществленных в ходе реформирования военной организации государства, вооруженных сил и осуществляемых в настоящее время направлений их дальнейшего строительства и совершенствования.

Нам следует помнить, что Советский Союз несколько десятилетий готовился к войне классического типа, и его во многом погубили инерционность и невосприимчивость к изменяющемуся миру. Ибо не завоевание страны противником становится концом ее истории, так как после этого возможно и возрождение. Настоящая катастрофа – поражение в сфере смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

8. Макаров В.М. Концентриальная война: миф или реальность? // Наука и военная безопасность. № 2. 2003 г.

9. Макаров В.М. Проект Белая Русь – край мира, любви и согласия и комментарий к нему // Некультовые объединения в Беларуси // Науч. ред. А.С. Майхрович. Мн.: «Четыре четверти», 1999.

10. Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта // Материалы V Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и безопасность». Вып. № 8. Киев, 2005.

11. Некультовые объединения в Беларуси // Науч. ред. А.С. Майхрович. Мн.: «Четыре четверти», 1999.

12. Родионов М.К. К вопросу о формах ведения информационной борьбы // Военная мысль. 1998 г. № 2.